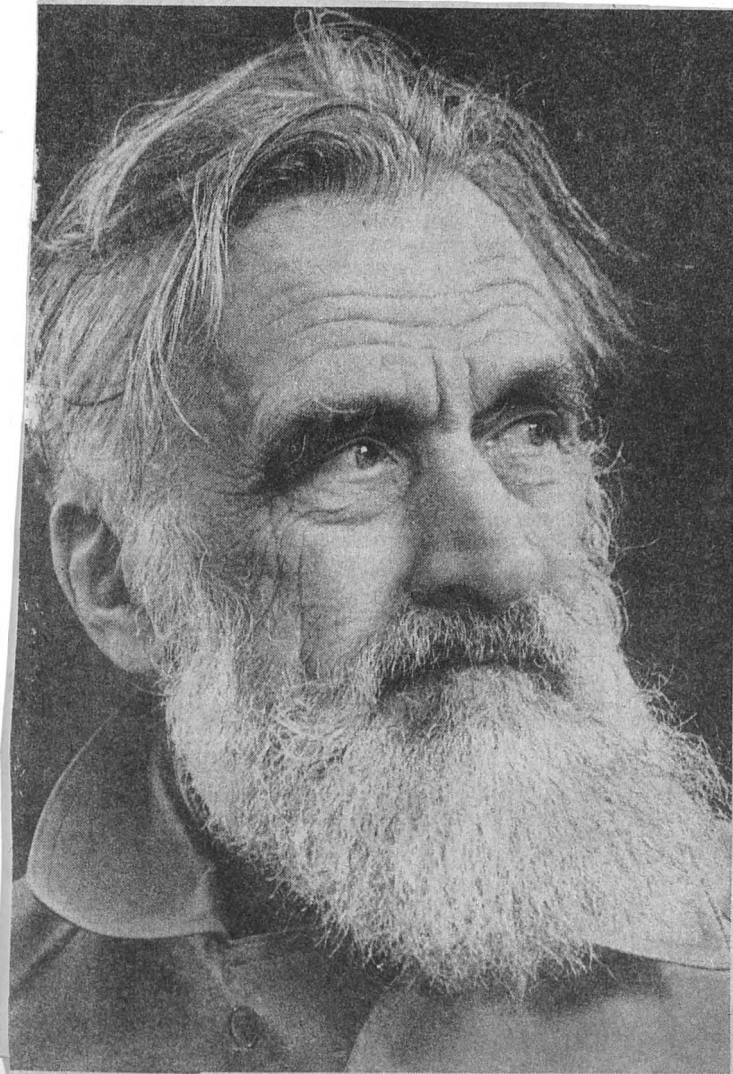

— У вас есть там такие строки: «Лагерь перерабатывает почти всех — там и порядочный человек утрачивает совесть». Что же было опорой в те годы?

— Воспитание и вера. Атмосфера семьи, где в почете была порядочность. Мы верили в высшую силу, которая, если не нарушать нравственные правила, может нас спасти.

— Читая «Погружение...», вместе с отчаянием ощущаешь необыкновенную силу духа, которая укрепляет в праве быть свободной и мыслящей личностью.

— Задумывая эту книгу, я считал ее своим нравственным долгом перед памятью тысяч и тысяч замученных людей. Не хотелось показывать себя страдальцем. Старался быть как бы сторонним наблюдателем. Поэтому читателю раскрывается объективная картина: так было в действительности.

— А что скажете о колымской прозе Варлама Шаламова?

— Шаламов — самая трагическая судьба, какую я знаю. Еще до его признания я писал рецензии на его рассказы, хлопотал о публикации. Он был как-то особенно одинок. Я тоже повидал нужду, умирал от истощения. Но после лагеря в ссылке жил как вольный охотник. У него этого не было. Весь лагерный

Скажем, я не заболел о путешествиях. Было туговато с деньгами — оказывали материальную помощь, облегчали устройство командировок, путешествий, бытовую сторону жизни.

— Но присутствие в рядах Союза писателей, кажется, не гарантировало возможности быть напечатанным? Сколько вы ждали публикации «Погружения...»?

— Очень долго. Воспоминания написаны в начале 60-х. А выпустили их у нас спустя два года после издания книги в 1987 году в Париже, с довольно значительными купюрами. Видите ли, я не очень входил в писательскую среду. Бывало, меня переставали печатать, рассыпали набор. Покритиковал, и это сочли подрывом устоев. Участвуя в выездном заседании Союза писателей в Новосибирске, совпавшем по срокам с поездкой Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку, я там на большом собрании, где, конечно, был весь местный партаппарат, критически выступил по поводу путешествия генсека, который, проехав по всему краю, не увидел, что делается с тайгой, с реками. Сразу же после выступления мне велели уехать. А Сергея Михалкова, возглавлявшего нашу делегацию, укоряли: кого же ты привез?

— Кому из писателей отдаете предпочтение?

за пирог власти: «Сойди-ка отсюда, чтобы я занял твое место»... Так чего же ждать, в этой дыре разве в чем-нибудь разберешься с толком? Тут все на корню сгнило... Если и истинный человек, ничего он не сделает, разве жесткой какой театральной... Бежать отсюда скорее надо...» Прошло 70 лет, и аналогичные мысли приходят в голову очень многим нашим современникам.

— Я сам никогда не хотел эмигрировать, хотя возможность такая в 20-е годы была. Мой брат-близнец Всеволод, долго проработавший в полпредстве за границей, тоже не хотел остаться там (он отсидел пять лет в лагере, погиб на войне). Я где-то написал: крысы, которые бегут с тонущего корабля, для русского интеллигента образ неприемлемый. Если страна в беде, надо оставаться и в меру своих возможностей помогать ей. Не быть дезертиром.

— Выходит, эмигрант — изменник?

— Для меня — немножечко да.

— Сохранилось ли что-то общее между старой Россией и сегодняшней?

— Зыбкий ответ. Но все-таки, если подумать, всегда можно найти черты, навеянные всем прошлым укладом.

— Вы поддерживаете отношения с кем-либо из прежних аристократических семей?

— Почти нет. Их очень мало осталось. Кроме того, меня с репутацией «контрика», все время сидящего в лагере, многие боялись, шарахались, чтобы самим уцелеть.

— Но у них, вероятно, тоже была репутация उपраздненного сословия?

— Не у всех. Некоторые очень оберегали свою советскую лояльность.

— Так что делать? Во что верить? К чему стремиться?

— За дело приняться. История начала века показывает, как Россия, шагая до 1917 года уверенной поступью, справлялась с отсталостью в разных областях, стремилась занять место среди ведущих держав мира... Меня спрашивают: почему не записался в теперешнее Дворянское собрание (его предводитель — мой племянник князь Андрей Голицын)? Отвечаю: сколько крепостных душ мне пожалуют? Считаю, что не меньшую, чем дворянство, пользу России принесло купеческое сословие. Русское купечество несло в себе заряд гуманный и прогрессивный. Это были подлинные радители прогресса, успехов на всех поприщах!

В русской истории много печальных страниц. Помните Смутное время: в Московском Кремле — польский гарнизон, всюду бродят шайки разбойников? Казалось, страна на краю гибели. Но оказалась спасена. Благодаря православному традициям, необычайной работоспособности народа — работать тогда умели! Но без коренной реставрации, без нравственного учения ничего не добиться. Самое важное — возродить доброту в человеке, отзывчивость, помощь ближнему так, как это было в старину, когда люди руководствовались христианскими принципами в жизни и переносили их в свою практическую деятельность.

Гостя принимала
Елена
КОНСТАНТИНОВА.

Фото
Владимира БОГДАНОВА.

Олег ВОЛКОВ:

«Для меня эмигрант —

Веч. кл. 15. - 1995. - В июне. - с. 4

ЭТО НЕМНОЖЕЧКО ИЗМЕННИК»

Писатель Олег Васильевич Волков — ровесник века. Потомственный дворянин из знаменитой морской династии Лазаревых, в которой вырос адмирал — первооткрыватель Антарктиды. В 1917 году в Петербурге окончил престижное Тенишевское училище, где учился и Владимир Набоков: два будущих писателя сидели за одной партой. Почти три десятилетия (1928—1955) — в тюрьмах, лагерях, ссылках, от Соловков до Ухты. Художник, обретший спасение в слове и свободной мысли.

— Олег Васильевич, что есть, по-вашему, интеллигент?

— Понятия «интеллигентный» и «культурный» часто смешивают, хотя они совсем разные и не связаны принадлежностью к определенному сословию. Можно быть малообразованным, но интеллигентным и наоборот. Некогда отец говорил мне о знакомом малограмотном, но очень порядочном, благородном мужике: «Вот интеллигент». Значит, живущий по совести, достойно, чувствительный к несправедливости, насилию, принуждению. Жить по совести — это мы как раз и забыли...

— Верите ли вы в возрождение?

— Я все жду. Мне казалось, что внести светлые идеалы в нашу жизнь может Церковь. Не знаю, может, причина в том, что Церковь очень разорили, она обезлюдела. В сегодняшних бесконечных парламентских спорах рассматривается что угодно, только не эти кардинальные вопросы: интеллигентное от-

ношение к жизни, воспитание добрых чувств. Люди отвыкли руководствоваться ими в повседневности, 70 лет им внушали «классовую ненависть».

— Олег Васильевич, многие читали ваши мемуары, знакомы с вами по кинофильму «Власть соловейская». Напомните другие, самые памятные вехи вашей жизни.

— Родился в 1900 году в Санкт-Петербурге. В 1917-м честно поступил в императорский Петербургский университет на отделение восточных языков историко-филологического факультета. Но учиться там не пришлось. Умер отец, надо было помогать матери, младшим братьям и сестрам. Вел хозяйство, крестьянствовал, даже мельником был, но молодым, не как у Пушкина... В начале 20-х годов нашу семью из имения, расположенного в Тверской губернии близ Торжка, вытравнили. С 1928 года начались мои скитания по лагерям, тюрьмам, ссылкам. Обо всем написал в «Погружении во тьму».

срок он провел на Колыме. Избитый, страдающий нервным тиком, плохо слышащий... Казалось, не может даже улыбнуться, настолько трагическим было его лицо. Уже в Москве, благополучный материально, он, когда ел хлеб, подставлял ладонь, чтобы не просыпались крошки. Его психику так искалечило постоянное преследование и унижение, что это сказалось на поведении. Когда за границей вышел его небольшой сборник, он так испугался, что пытался отречься и от себя, и от своих колымских рассказов.

— Вы знакомы с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым?

— Как же, знаком, еще с лагерных времен. Когда его привезли в Соловецкий лагерь, я уже был там ветераном. Поскольку работал статистиком в санитарном отделе, у меня была возможность хоть чем-то помочь заключенным, построить через больницу какие-то «льготы», избавить кого-то от тяжелых работ. И, откопав юного неопытного Лихачева, тоже что-то такое ему сделал. Но он человек не моего вкуса, с ним не общаюсь. Уж очень он в свое время подчеркивал, как предан партии.

— В Союзе писателей вы сколько лет? И как оправдывает себя эта организация?

— В Союз меня приняли в 1957 году. Он был большим подспорьем для писателей.

— Особое пристрастие — к Тютчеву и Тургеневу.

— Вы и писатель, и переводчик, и историк, и публицист. Кто больше?

— Пожалуй, публицист. Переводами уже не занимаюсь. Немало материалов было в защиту природы. В лагерях, когда из-за решетки я видел прекрасный мир вокруг — нетронутые боры, чудесные реки, такое восприятие природы утешало, помогало жить. А потом захотелось поделиться мыслями с читателями о бережном отношении к живому. После освобождения выступал в защиту природы, старался объединять вокруг этой идеи людей. Правда, теперь как-то разуверился в возможности добиться реальных результатов.

Мы по-хищнически относимся к своей природе, не умеем быть рачительными добрыми хозяевами, многое уничтожаем, загрязняем без нужды. Не раз писал о драме кедров: он почти истреблен. А сколько погублено озер, водотоков? Внушили себе, что всего у нас много, как ни хозяйничай, природа настолько богата — ее всегда хватит. Это безобразное хозяйствование опустошает целые районы.

— Герой вашей повести «В тихом краю» Александр Александрович Балдинский в минуту горечи восклицает, что суть всех политических программ, ратующих за спасение России, одна — ухватиться